

*Всем матерям-одиночкам
посвящается*

Дорогая мама,
я заранее знаю, что ты раздуешь это все до невозможности, потому что ты — мама, и не просто мама, а сумасшедшая мама, и иначе ты не можешь. Не удивлюсь, если ты превратишь мое письмо в фейсбучный* мем, а потом булавкой прицепишь его к подушке. А все потому, что ты ненормальная. Но не суть.

В общем, ты была права. Это я сейчас не про чтение. Мам, я читаю только потому, что я тебя люблю и хочу поступить в университет. Книжки, которые ты мне дала, не такие скучные, как школьные, но они все равно скучные! Кстати, ты в курсе, что по половине этих книг сняли фильмы? А все потому, что фильмы лучше, и люди, читая книги, всегда думают: «Боже, было бы настолько лучше, если бы это была не книга, а фильм».

Ну ладно. В общем, ты была права насчет папы. Я бы даже не хотела, чтобы ты оказалась настолько права. Я бы хотела, чтобы ты была счастлива — это да. Но пусть бы относительно него ты ошибалась. Вот бы все было или черным, или белым! Потому что так гораздо легче во всем разобраться.

* Фейсбук — социальная сеть.

Было очень просто думать, что с нашей семьей все так случилось из-за того, что папа — ужасный человек. Но только теперь-то я знаю, что он не ужасный человек. Он просто очень, очень непростой. Даже сейчас, спустя эти три месяца, если бы ты спросила меня, как наша семья дошла до этой точки, я бы не знала, с чего начать. Я бы, наверное, ответила: «Ммм, это ты мне скажи».

А насчет больницы... мам, я ведь прекрасно понимаю, как я здесь оказалась. Я совершила глупость, и не одну, и осознаю их все. Это из-за своих неправильных решений я сейчас лежу в этой палате, где пищит оборудование, а из меня торчат трубки. Если бы я могла повернуть время вспять, я бы все сделала иначе.

Получается, я сожалею о прошлом, да? Ты от этого чувства хотела избавить меня и Джо, когда папа вернулся весной, и ты просила нас дать ему шанс? Сожаление... Я в нем тону сейчас, и, может, мне больше не представится возможность все исправить. Поэтому, знаешь... Я теперь поняла, что чувствует папа. И я никому не пожелаю так себя чувствовать.

Что бы ты ни решила на его счет, мама, это твое решение. Я не буду реагировать на него, как избалованный ребенок. У меня свои желания. У Джо — свои. И хотя бы раз за всю свою занудную жизнь прими решение, которое сделает тебя счастливой. Это то, чего мы больше всего хотим. А если это оно и есть, что ж... тогда вперед.

С любовью,

твоя любимая дочь
(Кори)

Глава 1
Тремя месяцами ранее

Есть множество людей, которых ну никак не встретить в провинциальном городке в штате Пенсильвания. При этом ничуть не меньше тех, кого встретить очень даже можно. Свою лучшую подругу Лину я встречаю почти ежедневно — она преподает в той же школе, что и я, поэтому, даже если мы не договариваемся о встрече специально, мы все равно друг друга видим — в коридорах, в учительской и на парковке, где счищаем снег со своих машин чуть ли не до апреля.

А еще я постоянно встречаю Тринити, лучшую подругу моей дочери. Если день прошел, а я ее не видела, это что-то из ряда вон. Мы видимся в школе, у нас дома, у бассейна, где занимается моя дочь, а Тринити ждет ее в машине, а потом они едут в центр пялиться на мальчиков.

А еще стоматолога, к которой я хожу на гигиену зубов. Каждое воскресенье я вижу ее на фермерском рынке, где она продает мыло и свечи ручной работы с женщинами из церкви. И если я пройду мимо их палатки и не поздороваюсь, она пишет мне короткое письмо и отправляет его почтой. А поскольку она скупа до ужаса, я точно знаю, насколько это ей нелегко. Пишет она там обычно вот что: «Дорогая Эми, я переживаю за тебя. Пожалуйста, дай знать, что с тобой и детьми все нормально. В любви о Господе, Мириам».

А есть люди, кого совершенно не ожидаешь встретить на улицах нашего городка. Например, Джейми из сериала «Чужестранка»*. Я очень сильно стараюсь его увидеть, но что толку! Мы не пересеклись ни разу — ни на рынке, ни в школе, ни на олимпиаде «Одиссея разума»**, в которой участвовал мой сын. Или Опру*** — как же я мечтаю случайно столкнуться с Опррой! Мне кажется, с ней было бы интересно поговорить про книги.

Или моего мужа. Но вот и он, собственной персоной! Муж, с которым я прожила восемнадцать лет и которого в последний раз видела три года назад, когда нашей дочери было двенадцать, а сыну — восемь. Он тогда упаковал небольшой чемодан на колесиках, который обычно пропускают в ручную кладь, — с рубашками, которые я выгладила, галстуками, которые я подобрала, сменным костюмом, беговой одеждой, набором для бритья и шестью видами успокоительных средств, — и улетел в командировку в Гонконг, откуда больше не вернулся.

Или все-таки вернулся? Это точно он — стоит около витрины нашей аптеки с лейкопластырями и смотрит на меня, силится улыбнуться. И в этот момент, которого я страшилась все эти годы, я с болью в сердце понимаю, зачем он здесь. Это был лишь вопрос времени. Он хочет вернуть свою жизнь.

Как поступила бы на моем месте любая самодостаточная, успешная взрослая женщина, я прячусь за

* Драматический фантастический телесериал, основан на одноименной серии романов Дианы Гэблдон.

** Творческая детская телепередача, в которой дети разных возрастов (от детского сада до колледжа) соревнуются в решении креативных задач.

*** Американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опри Уинфри».

ватными палочками. Бесполезно. Джон в трех метрах от меня и явно меня видел. Более того, он только что виновато улыбнулся, а эту улыбку я узнаю при любых обстоятельствах. Ее обычно сопровождает пожимание плечами и взгляд, говорящий примерно такое: «Прости, я забыл зайти за молоком по дороге. Но я же уже дома и жутко устал, на работе был тяжелый день, и уже слишком поздно отсылать меня обратно, так что пусть дети утром просто погрызут кукурузные хлопья, ладно?» Мои ученики примерно так же улыбаются на уроках, когда надеются получить пятерку за старание.

Проблема только одна: Джон не только молоко забыл купить по дороге домой — он вообще забыл дорогу домой. Точка. Он в последние три года забывал приходить домой, воспитывать детей, платить по счетам, хранить верность жене, и как ни крути — должно же быть для подобной ситуации какое-то другое выражение лица! На мой взгляд, он должен выглядеть, как мужчина, которого бывшая жена вот-вот ударит по голове тупым тяжелым предметом. Сидя на корточках в торце стеллажа с товарами для оказания первой помощи, я оглядываюсь в поиске тяжелого предмета, но вокруг только ярко-розовые обручи хула-хуп. Сложновато будет избить мужчину до беспамятства пластиковым блестящим обручем, но какое-то — весьма приятное — время я серьезно об этом размышляю.

— Эми? — Я слышу голос Джона. — Это ты?

Он прекрасно знает, что это я. И я знаю, что это он. Я его узнаю везде. Почти год после его ухода я садилась за руль, и мне казалось, что это он едет в соседней машине, и у меня замирало сердце, но потом я присматривалась, и сердце разбивалось снова и снова. И я чувствовала безмерную усталость после каждой такой ложной тревоги. Один раз, всего через несколько не-

дель после его ухода, я поворачивала на нашу улицу и увидела его на заднем сиденье машины с логотипом сервиса поездок с попутчиком. Я была железобетонно уверена, что это он, я это знала точно. Я чувствовала, как в венах пульсирует кровь, и ощущала себя беспомощно лежащей на дне каньона без воды и еды, и вот ко мне приближается спасатель с веревочной лестницей. Я прижалась к обочине и стала ждать, когда машина подъедет к нашему дому. Этого не произошло. Она, не сбавляя скорости, проехала мимо, пока я, не отрывая глаз, наблюдала за ее передвижением в зеркало заднего вида. Я была настолько раздавлена, что двадцать минут сидела, не в силах двинуться с места.

Но сейчас все иначе. Это не учебная тревога. Он на самом деле вернулся, только я предпочту умереть от жажды, лишь бы не хвататься за канат, который он подаст.

— Джон... — Я откликаюсь, зачем-то притворяясь, что только что его заметила, и выхожу из-за стеллажа. На расстоянии протянутой руки лежат упаковки со льдом, марли и тюбики «Неоспорина». Все это будет очень к месту, когда я сокрушу его модными детскими игрушками и гигантскими бутылками витамина D.

— Глазам своим не верю, — говорит он, а я в изумлении таращусь на него. Он глазам своим не верит, что я здесь, в городе, где мы прожили вместе почти два десятка лет? Где наши дети произнесли первые слова и сделали первые шаги, а сейчас ждут меня дома? Я заглядываю к себе в корзинку и пытаюсь вспомнить, зачем я вообще сюда пришла — за попкорном, тампонами и «Клерасилом»? — Я имею в виду, что думал, что мне придется прийти в дом, чтобы поговорить с тобой, и я не знал, как ты к этому отнесешься. Думал как-нибудь улучшить момент наедине с тобой, до встре-

чи с детьми, но так, как сейчас, даже лучше, да? Так я не нарушаю твое личное пространство?

Я по-прежнему смотрю на него и хочу закричать, заплакать. Я хочу сейчас быть женщиной, способной вцепиться когтями в лицо другому человеку. Но я не такой человек и мы в аптеке. Поэтому я просто смотрю на него.

— Эми? Эми, ты в порядке?

— Уходи, — сглотнув, произношу я. — Я не знаю, зачем ты сюда пришел, но ты нам не нужен. Уходи. Сейчас.

Я ставлю на пол вдруг потяжелевшую корзинку и машу рукой куда-то от себя, словно он птичка, которая слишком близко подлетела ко мне в парке.

— Прости, — говорит он. — Прости, но я никуда не пойду.

Вдруг меня осеняет: здесь же продают трости для ходьбы. Тростью можно нанести реальный удар, особенно если взять ту, что с треногой внизу для дополнительной опоры.

— Эми? — снова обращается ко мне он. Я что, улыбаюсь? Или даже смеюсь? Видимо, пришел тот день, когда я окончательно схожу с ума. Мне хочется смеяться, только я совершенно не понимаю, почему. — Тебе нужно присесть?

А потом он пытается проделать нечто совершенно неприемлемое, выходящее за все рамки. И я почти что решаю наплевать на свидетелей, на последующие сплетни и просто заорать во все горло, лишь бы остановить его. Он пытается взять меня за руку! Я резко отмахиваюсь.

— О нет, — протестую я, и в этот момент ко мне возвращается присутствие духа, и наконец — как долго я ждала этой секунды — я снова обретаю контакт с ре-

альностью и начинаю дышать. — Я без понятия, как ты здесь оказался, Джон, но последний раз я тебя видела три года назад, а с тех пор ты не жил со мной и детьми, не спал в моей постели, не сидел с нами за столом и не делил с нами жизнь. Три года, день за днем, — это больше тысячи дней. И ты не можешь просто так вернуться, и зайти в мою аптеку, и купить здесь лейкопластыри, которые я покупаю, и держать меня за руку, как будто я инвалид. После всех этих дней и ночей, ипотечных выплат, оплат счетов, походов к треклятому стоматологу... Ты не можешь. Не можешь.

Лицо Джона приобретает виноватый вид. Робкая улыбка сменяется выражением боли, столь же глубокой и всеобъемлющей, как моя собственная. Я начинаю понимать, что он тоже побывал на дне того каньона и он считает, что спасатель с веревкой — это я.

Он качает головой и начинает говорить, а говорит он вещи, которые я мечтала от него услышать годы назад, когда он ушел и когда мой мир развалился на части. Но сейчас они все звучат как резкий и болезненный звон в ушах.

— Ты права. Я совершил ужасный поступок, и мне очень, очень жаль. Но я сюда пришел не для того, чтобы снова тебя ранить. Я хочу все исправить.

— Я не думаю, что у тебя получится, — без обиняков отвечаю я.

— Это не твоя проблема, а моя, — возражает он, и его слова настолько обезоруживающие, что я теряю дар речи. — И я здесь именно за тем, чтобы ее решить. Я хочу стать мужчиной, которым не был тогда, стать настоящим отцом нашим детям. Отцом, которого они заслуживают. Я хочу все исправить. — И он поднимает с пола мою корзинку.

Чего-чего он хочет?

Моя дочь Корин, сын Джозеф и лучшая подруга Лина сидят у меня — у нас — дома. Наш дом — красивый, правильной квадратной архитектуры — расположен в непосредственной близости от школы, в которой я работаю. Как и большинство красивых вещей, дом требует к себе много внимания. Он делает так, чтобы у меня никогда не оставалось лишних денег. Если вдруг дом замечает, что я припрятала где-то сто долларов или пытаюсь вывезти детей в национальный парк на недельку, дом что-то в себе ломает. Мне кажется, у нашего дома комплекс брошенности.

Когда здесь жил Джон, это не было ощутимой проблемой. Он был мастер на все руки и любил слоняться по дому и чинить все, что нуждалось в починке. Он был готов целыми днями смотреть видео на YouTube на тему домашнего ремонта. И даже когда он сдавался и нанимал соответствующую контору, его солидная зарплата юриста в крупной пищевой производственной компании покрывала счет.

И вообще, наш дом — это отдельная тема. Когда мы въехали, ему уже было сто лет, и с тех пор он не молодеет. Но все проблемы оказывались решаемы, просто по очереди. Сначала мы довели до ума электропроводку, потом сняли гниль со стен, сделали новую гидроизоляцию подвала, заменили деревянный сайдинг на более подходящий с эстетической точки зрения. Все делалось постепенно, без спешки. Джон вырос в поселении амишей*, вне доступа к современным строительным супермаркетам, и мог своими собственными руками починить буквально все.

* Консервативное религиозное движение; амиши отличаются простотой жизни и нежеланием принимать современные технологии.

Кроме, как я поняла, самого себя. Полонку в своей собственной жизни он решил устранить в два хода: первый — держать свои чувства под замком, чтобы никто из нас не догадался, что что-то не так, и второй — сбежать от жены и семьи.

— Он хочет... — Я пытаюсь подыскать подходящее слово. Ни за что на свете я не допущу, чтобы теперь дети решили, что их отец — козел. Только не после того, как я три долгих одиноких года защищала его репутацию и их воспоминания. — Он хочет проводить время с вами. Любит вас безмерно и всегда любил. Его не было рядом последнее время, о чем он очень сожалеет.

Кори издает какой-то хрюкающий звук, свойственный исключительно подросткам, который еще с пещерных времен означает: «Что за бред, ты ничего не понимаешь в этой жизни/ Я сейчас разложу ситуацию по полочкам/ Прочь с дороги, старушка». Такой же звук она издаст, если пощекотать ее, когда она чихает. А если я сейчас попробую так фыркнуть, то рискую пострадать от недержания — это все из-за двух долгих и тяжелых родов.

— Давайте его выслушаем. Соберемся на семейный совет и выслушаем, — предлагаю я. А потом я притворяюсь, что у меня не сводит желудок от одной мысли о его идее, и говорю им то, что он сказал мне у полки с лейкопластырями, когда я достаточно успокоилась и уже могла концентрироваться на его словах: — Скоро летние каникулы, и он хочет провести первую неделю с вами.

— Что? — переспрашивает Кори. — Нет. Точно нет. Я пас.

У меня была точно такая же реакция, когда он это предложил: точно нет.

— Мне кажется, я понимаю, что ты чувствуешь, — говорю я и тут же осознаю свою ошибку.

— Ты понятия не имеешь, что я чувствую. Твой отец не оставлял тебя за несколько дней до двенадцатого дня рождения.

— Это правда, — боже, сколько же терпения нужно для общения с этой девушкой, — но меня оставил муж с двумя прекрасными детьми и чудесным, дорогим домом, когда у меня не было ни работы, ни денег. И через эту ситуацию я могу соприкоснуться с твоими чувствами.

Она закатывает глаза:

— Но тебя-то он вернуть не хочет.

Вот он — особый дар всех подростков. Она не хотела меня ранить, но ее слова попали мне прямо в сердце. Думала ли я, что он вернулся ради меня? В ту первую секунду, когда он позвал меня по имени, когда попытался обнять при прощании, когда посмотрел на меня и в его взгляде я увидела что-то похожее на желание — как было не подумать? Я стискиваю зубы.

— Думаю, лучше не драматизировать ситуацию. Никто не собирается вас похищать. Мы примем решение совместно, вчетвером.

— Я уже решила. Нет.

Что ж, яблоко от яблони... Ровно эти же слова я сказала Джону в ответ на его просьбу провести неделю с детьми. Неделю, чтобы компенсировать трехлетнее отсутствие. Нет! Этого недостаточно.

— Давайте соберемся на семейный совет, а потом решим, — предлагаю я с притворным равнодушием. — Я хочу посмотреть, чему вы можете научиться, получив опыт встречи с человеком, который доставил вам неприятности.

— Соображение номер один, — включается мой прилежный до учебы сын. — Он не может прийти на семейный совет. Семейный совет — только для членов семьи.

Кори выразительно кивает и складывает руки на груди.

— Для членов семьи! — повторяет она.

Очень смешно. Когда дети были маленькими и мне до отупения надоедали их нескончаемые препирания, я иногда произносила угрожающим тоном: «Не забывайте, через два часа придет папа», — и они тут же начинали ходить по струнке, превращаясь в лучших друзей. И даже сейчас одна лишь перспектива прихода Джона заставляет их выступить единым фронтом.

— Соображение номер два, — продолжает Джо. — Мне нечему учиться у папы. Или ты хочешь, чтобы я научился, как заработать себе нервный срыв, уехать в Гонконг и потом поднимать свою самооценку с помощью молодых глупых женщин, пожертвовав собственной семьей?

Я снова стискиваю зубы. Не знаю, радоваться мне или огорчаться, что психотерапевт Джо настолько хорош, что он может озвучить все эти вещи в нежном двенадцатилетнем возрасте.

— Можно мне сказать? — подключается Лина. Мы все киваем. Лина каким-то странным образом тоже член нашей семьи. Или стала им в последние три года. Пережила бы я уход Джона без поддержки лучшей подруги? Не представляю себе этого. Она помогала с детьми, выбила мне работу, готовила еду, держала меня за руку, когда я плакала. — Я думаю, что если мы выносим судебный запрет, пользуясь юридическим лексиконом вашего отца, нам нужно подумать, как мы в суде докажем целесообразность прекращения всех

связей с ним навсегда. По итогам моего внимательнейшего просмотра сериала «Хорошая жена»* скажу одно: нам придется доказать, что своим уходом от вас он нанес ощутимый и непоправимый ущерб. — Кори, сумасшедшая фанатка всех судебных шоу, внимательно слушает. Джо, ценитель логики, но лишенный какого бы то ни было интереса к телевидению в общем, а к шоу в частности, терпеливо ждет продолжения. — Нанес ли он вам реальный, ощутимый ущерб, ребята? — спрашивает Лина и сразу же отвечает: — Спорный вопрос, я бы так не сказала. Потому что мама у вас — замечательная. Она чуть ли не за тридцать секунд превратилась из домохозяйки с детьми в сотрудника школьной библиотеки, чтобы вы могли продолжать учиться в вашей модной частной школе. Вы ни дня занятий не пропустили! Она в мгновение ока оформила рефинансирование на дом, чтобы покупать ваши любимые вафли Ego, конструкторы Lego и форму Speedo — и это при том, что алименты ваш папа не платил. С точки зрения качества жизни вы совершенно ничего не потеряли после ухода отца.

Я смотрю на нее. Замысел у нее добрый, но из этой речи очевидно — я пострадала так, что мало не покажется. Я идеальное лицо для иллюстрации вялотекущего хронического страдания. Если бы рекламное агентство захотело сделать 30-секундный ролик о страдании, они могли бы использовать нарезку моего дня. Вот я в трехцветных учительских штанах на резинке в пять утра расчищаю двадцать сантиметров снега, чтобы дети вовремя попали на утренние занятия. Потом на занятиях я объясняю 250 мажорным детям, что нельзя по десять часов смотреть порно на

* Американский телесериал в жанре юридической драмы.

компьютере, а вечером отключаюсь под «Чужестранку», не имея никаких сил на поиск, не говоря уже об использовании, вибратора. Мрачный бы получился ролик. Но Лина, оказывается, на этом не успокаивается:

— Теперь взглянем на нематериальный ущерб. Мы можем доказать эмоциональную боль и страдание, так? Когда он ушел, вам очевидно было больно. Но действительно ли это непоправимый ущерб? Вот на этот вопрос он и хочет сейчас получить ответ. Он хочет знать, может ли он компенсировать потерянное время.

— Какая разница, чего он хочет знать, — перебивает Кори. — Главное, чего хотим мы.

— Хорошо, чего вы хотите? Может ли оказаться, что прощение и приятно проведенное совместное время улучшит ваше эмоциональное состояние по сравнению с перспективой до конца жизни носить в себе обиду? Другими словами: вы уверены, что предел ваших мечтаний — наказать его?

— Лина! — застонала Корин. — Тебя послушать, так ненависть к нему до конца жизни оказывается совсем не вариант!

Кого угодно ненавидеть до конца жизни — не вариант, — говорю я себе. — *Лина, как обычно, права.*

Она пожимает плечами и довольно хмыкает.

— Что тут скажешь...

— Я совершенно не восхищаюсь вашим отцом, — говорю я детям. — Более того, если говорить совершенно честно, он сделал мне очень больно, когда ушел.

А если уж быть еще более честной, сегодня, когда я увидела его после всех этих лет, мое сердце снова чуть не остановилось.

— Понятное дело, — кивает Кори.